

12+ ВСПАТРИВАЯСЬ В СЛОВА

Этимологические этюды

Дмитрий Муравкин

Дмитрий Муравкин

**Всматриваясь в слова.
Этимологические этюды**

«Издательские решения»

Муравкин Д.

Всматриваясь в слова. Этимологические этюды / Д. Муравкин —
«Издательские решения»,

Книга посвящена истории русских слов: что они значили вначале и как меняли свои значения в процессе лексического развития. На ярких примерах автор показывает, как слова хранят мировоззрение наших предков и доносят до современников приметы далекого прошлого. Читатель научится видеть связи между словами, лучше чувствовать родную речь и культуру. Издание будет интересно всем, кто любит русский язык и хочет глубже понимать его живое устройство.

Содержание

От автора	6
Предисловие	8
Нож, который не режет	11
Лингвистические раскопки	12
Ров на ровном месте	14
Опасная этимология	17
Как дубрава стала местом, где растут дубы	19
Трава: забытые смыслы	21
Прозябающее слово	23
Цветы и цвета	25
Изнурительная этимология, или Путешествие в кроличью нору	28
Потаённые смыслы	30
О чём могут рассказать волосы	31
Что называли маяком до появления маяков	32
Маньяки на Руси	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Всматриваясь в слова Этимологические этюды

Дмитрий Муравкин

© Дмитрий Муравкин, 2026

ISBN 978-5-0071-3675-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Уважаемый читатель! Эта книга составлена из разрозненных заметок, написанных в разные годы, поэтому знакомиться с ней можно начиная с любой главы и в произвольном порядке, выбрав из оглавления заинтересовавшее название. Тем не менее я постарался придать тексту некую последовательность и цельность, соединив главы в тематические блоки, чтобы читать было интереснее.

Все мы говорим на русском языке, который служит нам и средством общения, и инструментом мышления. Наверняка большинство из нас задумывается о смысле и значении слов, а значит, этимологизирует, старается встроить каждое слово в ряд однокоренной лексики. Иногда это сделать легко, поскольку родство лежит на поверхности, иногда для этого приходится проводить специальные изыскания. Например, слова *стол*, *столовая*, *застолье* сохраняют свои родственные связи, и они хорошо ощущаются носителями языка. Но когда в исторических книгах о средневековой Руси неподготовленный читатель встречает должность *стольник*, он уже не знает, отнести ли ее название к слову *стол* или к слову *сто*, ведь в наше время стольником часто называют сторублевую купюру. Может быть, в старину стольником называли человека, в чьем подчинении находилась сотня воинов? Ведь были же *десятники*, возглавлявшие отряды из десяти человек. Так, может быть, и *стольник* из того же списка? Тут уже не обойтись без обращения к специальной литературе.

Для кого-то процесс подобной этимологизации проходит почти незаметно, кто-то, увлекаясь такими вопросами, пытается выяснить исторические связи самых разных слов. Эта книга содержит этимологические этюды — короткие зарисовки по восстановлению внутренней формы «непонятого» слова, попытки прояснить его первоначальное значение. Часто дать окончательный ответ на этот вопрос бывает затруднительно: конкурирующие версии имеют своих сторонников и своих противников, и даже профессиональные лингвисты не могут прийти к консенсусу. В большинстве глав этой книги вы встретите оригинальные воззрения автора на историю какого-либо слова или фразеологизма, но есть и пересказы исследований известных языковедов. Эти выдержки приведены здесь для дополнения общей картины семантического развития какого-либо слова или его корневой морфемы. В книге упоминаются многие известные ученые, в той или иной степени повлиявшие на автора, а также называются некоторые их книги и статьи. Если кто-то из читателей увлечется темой, то сможет обратиться к этим трудам.

Возможно, многие считают, что владеют русским языком в достаточной степени, чтобы самостоятельно решать этимологические задачи, не прибегая к специальной литературе. Когда-то и я был не менее самоуверенным, но постепенно стал более осторожен в своих выводах и заявлениях, поэтому общий тон изложения сослагательно-дискуссионный. Книга приглашает вас задуматься о словах, которые мы используем в своей речи, заглянуть внутрь каждого из них. А принять или отвергнуть мнение автора — решать вам.

В тексте встречаются обозначения, принятые в этимологической литературе. Так, звёздочка (*) перед словом обозначает, что данная форма является реконструированной, то есть гипотетической, а не реально засвидетельствованной в сохранившихся письменных источниках. Некоторые праславянские слова написаны кириллицей, а другие — латиницей. Это обусловлено источником — тем этимологическим словарем, из которого взят данный фрагмент. Исторически сложилось, что при записи праславянских слов лингвисты стали использовать латинский алфавит как общепринятый в науке XIX столетия, дополняя его при необходимости отдельными кириллическими литерами и диакритическими знаками. Это сильно упрощало сопоставление славянских слов с корнями из других индоевропейских языков. Кириллицу для таких реконструкций обычно не брали: она закрепилась для отображения реальных текстов,

а не для гипотетического древнего праязыка. Однако некоторые современные этимологические словари фиксируют праславянские формы с помощью кириллических символов. В целом, такие специальные обозначения и сокращения в книге сведены к минимуму, чтобы читатель не испытывал затруднений при восприятии текста.

С этой же целью цитаты из древнерусской литературы даны в адаптированном виде — с использованием современного, а не архаичного алфавита. Надеюсь, эти упрощения сделают чтение более легким и удобным, и даже текст на древнерусском языке будет в целом понятен. Тем не менее в некоторых случаях рядом с цитатой будет дан перевод на современный русский язык.

Вот и все предварительные замечания. Как говорится, приятного прочтения.

Предисловие

*Мне жаль не узнанной до времени строки.
И все ж строка — она со временем прочтется,
И перчитется много раз и ей зачитется,
И все, что было с ней, останется при ней.*

Юрий Левитанский

Однажды меня поразило, что слова имеют глубину и в них можно заглянуть. Всмотреться и увидеть родство с другими словами, которые сегодня в смысловом отношении могут быть очень далеки. Увидеть слово в его первоизданном виде. Например, прилагательные *бойкий*, *ловкий*, *робкий*. Очевидно, *бойкий* раньше значило «боевой, боевитый; тот, кто в любую минуту готов к бою». *Ловкий* — тот, кто хорошо ловит. Может быть, подхватывает на лету, а может, эпитет относился к охотнику, ловчему? *Робкий*, видимо, первоначально — «как ребенок», неуверенный в себе, боязливый. Но бывают случаи и потруднее. Например, *рукоприкладство*. Очевидна связь с выражением *руку приложил*, то есть «засвидетельствовал документ своим индивидуальным почерком». Например, *доброжелатель великий император государь Петр Федорович и царь сам руку приложил*. Это уже потом слово стало использоваться иронически, дескать, если после побоев со стороны барина на лице холопа оставались синяки и кровоподтеки, то в такой ситуации с усмешкой говорили, что господин сам *руку приложил*, засвидетельствовал свое господское волеизъявление.

Обычно люди пользуются словами, будто деньгами, расхожей затертой монетой. Сами по себе слова ничего для них не значат — они лишь средство обмена, обмена смыслами. Но ведь в каждом слове запечатлен некий образ, оно отчеканилось в результате длительной языковой работы прежних поколений, методом отбора из многих вариантов приобрело свой вид.

*Всего и надо, что взглядеться, Боже мой.
Всего и дела, что внимательно взглядеться...*

Но всегда ли этого достаточно? Всматриваясь в слова, далеко не в каждом случае можно угадать их происхождение. Например *руководство*. В каком смысле понимали это слово наши предки? Может быть, *водить руками* первоначально — «указывать путь, вести к цели». Такое объяснение можно найти и в этимологических словарях. Получается, что *руководитель* буквально — «указующий рукой путь». Есть не менее любопытная версия, говорящая о том, что первоначально руководитель — «тот, кто учит детей ходить», буквально «водит их за руку». Якобы потом слово было переосмыслено как «лидер, ведущий коллектив; наставник». Есть и другие версии.

Или как понять скрытый смысл слова *близорукий*? Тот, кто видит не далее своей руки (вблизи руки)? Или, как говорят лингвисты, это народная этимология? Но что значит *народная*, и в чем отличие народной этимологии от научной? Размышление об этом можно найти у известного лингвиста Ю. В. Откупщикова в книге «К истокам слова». Ученые восстанавливают, реконструируют утраченные этимологические связи, а народ (по словам Ю. В. Откупщикова) пытается для себя объяснить происхождение слова, исходя из современного состояния языка. Никакой научной аргументации при этом не дается, все строится на случайном совпадении или даже на весьма отдаленном сходстве в звучании слов.

Наиболее показательны в этом отношении этимологические штудии русского поэта, переводчика, академика В. К. Тредиаковского, а также члена общества любителей русского

слова А. С. Шишкова. В «Опыте словопроизводного словаря, содержащего в себе дерево, стоящее на корне» (1833) слово *берег* производится от глагола *беречь* (*берегу*): «*Берега* реки или моря *берегут*, хранят в себе воду, а *блюдо* подобным же образом *блюдет* или хранит наложенную в него пищу». Там же приводится рассуждение о происхождении слова *море*: человек, «взирая на морские бездны, на сию беспредельную пучину, потому ли, что столько же удивлен был ею, сколько и образом смерти, или потому, что не полагал на сем пространстве вод никакого обитания и жизни, назвал оное *морем*, от понятия, заключающегося в корне *мор*, *мру*, *умирают*. О слове *морж* говорится: «Морж. Без сомнения от того, что морской зверь».

В «Руководстве к сочинению Словопроизводного словаря», изданном несколько ранее «Опыта», А. С. Шишков о происхождении слова *плесень* пишет: «Хотя слово сие не показывает очевидности происхождения своего, однако ж легко может быть ветвию от глагола *плеснуть*, потому что заплесневелое место, отличаясь цветом от окружающего оное пространство, действительно походит на то, как бы на него чем-нибудь жидким плеснуто было».

Для истории этимологии как науки и такие изыскания любопытны, ведь они были предложены тогда, когда собственно наука о происхождении слов делала первые шаги, когда отсутствовали не только этимологические словари, но и словари народных говоров и толковые словари славянских языков, когда еще не были разработаны методы этимологического анализа.

Благодаря Интернету можно видеть, что есть немало любителей истолковать слова в соответствии со своими личными ассоциациями. Так, *беспечный* выводят из того обстоятельства, что легкомысленный человек не позаботился вовремя об устройстве в доме печи. *Терем* — это «тюрьма», видимо, из соображений, что девицы до замужества сидели в теремах, как в заточении (*Живет моя отрада в высоком терему*). При подобном подходе из-за звукового сходства слов *поразить* и *паразит* получается неожиданное толкование: *поразительный* — «похожий на паразита». Любитель-этимолог не утруждает себя объяснением различия гласных *о* и *а* в корнях этих слов. Прилагательное *скверный* выводят из *сквера*, ведь по-английски *square* — «площадь», а значит, *скверный* — «площадной, грубый, непристойный».

На возможность псевдоэтимологического толкования слова *плутократия* указал в своей статье о Генрихе Гейне русский критик Д. И. Писарев: «Слово *плутократия* происходит от греческого слова *плутос*, которое значит „богатство“. *Плутократией* называется господство капитала. Но если читатель, увлекаясь обольстительным созвучием, захочет производить *плутократию* от русского слова *плут*, то смелая догадка будет неверна только в этимологическом отношении».

Сегодня в Интернете нет недостатка в желающих объяснять происхождение слов. Иногда люди подводят под свои изыскания совершенно невероятную базу, например, толкуют исходные смыслы из начертания букв или из так называемых первообразов кириллицы *аз* — «я», *буки* — «буквы» или «боги», *веди* — «ведать» и т. д. Адепты этой теории считают, что уже в самой азбуке зашифровано сакральное послание человечеству: *Аз Бога ведаю, глаголю: добро есть жизнь*, и т. д. Каждое слово при таком подходе превращается в аббревиатуру, состоящую из этих первоначальных атомов смысла. Причем подобная практика становится настоящей религией: ее приверженцы свято верят в непогрешимость своего метода.

Но изучение истории слова исходя из общепринятого подхода — анализа его морфемного состава, сопоставления значений однокоренных слов — может быть не менее увлекательным. Порой мы даже не подозреваем, какие тайны и загадки таят в себе самые будничные слова, которыми мы пользуемся почти каждый день. И стоит только потянуть за ниточку, начать разматывать клубок, как откроется путь к новым знаниям.

Надеюсь, эта книга поможет кому-то лучше понять наш язык с его неочевидными лексическими связями и подспудными смыслами, услышать голоса предшествующих поколений людей, говоривших по-русски. Тем более, что иногда для этого

*всего и надо, что взглядеться, Боже мой.
Всего и дела, что внимательно взглядеться...*

Нож, который не режет

Нет-нет, да и задумается иной наш соотечественник, отчего основной инструмент, которым мы режем, называется именем, не связанным с глаголом, обозначающим это действие. Правда, почему ножик называется *ножик*, а не *режик*? Ведь так было бы логичнее. Язык пестрит такими несоответствиями и парадоксами, за всеми не угнаться. Почему *рубанком* не *рубят*, а *строгают*, почему не *молотят молотом* и что вообще делают *топором*? Конечно, за каждым из этих примеров скрывается некий зигзаг языкового пути, особенность употребления слова в определенную эпоху, вызвавшая отрыв словарного значения от корневого. Каждый такой случай вполне можно было бы объяснить, располагай мы необходимыми сведениями из прошлого, но, увы, часто нам остается только гадать.

Однако ситуация с *ножом* не так таинственна, как может показаться на первый взгляд, и достаточно лишь немного подумать, чтобы понять причину наблюдаемого разрыва, даже не прибегая к этимологическим словарям. Есть ли в русском языке глаголы, исторически связанные с корнем *нож*? Конечно есть, только это не для всех очевидно. Общими по происхождению являются глаголы: *вонзить*, *пронзить*, *нанизывать*; существительное *заноза*, а также производные от них. *Пронизывающий ветер*, *пронзительный взгляд* — метафоры, поэтические сравнения ветра и взгляда с пронзающим клинком, пронизывающей иглой.

От праславянского корня **nozъ* где-то остались *ноз*, *низ*, а где-то и вовсе *-из-* с беглым гласным. Тем не менее, перед нами потомки единого корня, от которого и произошло существительное *нож*.

Сравнивая семантику всех этих слов, легко заметить, что их объединяет действие, которое можно охарактеризовать синонимами: *воткнуть*, *проткнуть*, *уколоть*, *всадить* и пр., то есть рассматриваемый корень раньше совсем не был связан с действием «резать». Отсюда напрашивается вывод, что первоначально именем *нож* (ну или реконструированным *nozъ*) обозначали не плоский инструмент с заточенной кромкой, которым удобно разделять на части какие-либо предметы и материалы. Нож был колющим оружием, которым пронзали жертву. Главной функциональной его частью был заостренный клинок, способный пробить, пропороть кожу, шкуру или защитный панцирь.

В ходе своей эволюции нож модифицировался, совершенствовался, заострялся по всей длине, становился более плоским. Им начали не только колоть, но и резать, и спустя века он стал походить на тот универсальный инструмент, без которого мы теперь не можем обойтись ни на кухне, ни в походе.

В недалеком прошлом для режущего инструмента в русском языке были соответствующие термины: *резак* для резки, *тесак* для обтесывания, *секач* для рассекания и т. д. Более того, существование слова *ножны* указывает на то, что ранее нож был боевым оружием, а все эти *мечи*, *сабли*, *шашки*, *кинжалы* появились в русском языке позже. Если обратиться к ранним церковнославянским текстам, то мы найдем *нож* там, где в более поздних переводах стали использовать слово *меч*.

Конечно, существительное *нож* срослось с глаголом *резать* как минимум несколько веков назад, поэтому и соединенные винтиком ножи мы называем *ножницами*, а режущий зубчатый инструмент плотника или слесаря — *ножовкой*. Но внутренняя форма слова дает нам возможность представить, какой предмет оно обозначало на заре своего существования.

Лингвистические раскопки

Изучение истории слов часто сравнивают с археологией, и это оправданно. Чтобы взглянуть на привычное слово глазами людей, живших сотни лет назад, приходится постепенно снимать отложения, накопленные временем, копать вглубь. Давайте присмотримся к глаголу *копать*, попробуем снять с него культурный слой и стряхнуть пыль веков.

Значение у глагола *копать* чаще всего самое прямое, но и он не избежал иносказаний. Например, *подкапывать под кого-то* с целью причинить неприятности. Можно *закопаться в делах*, *раскопать в библиотеке что-нибудь интересное*, *накопать улик на уголовное дело*, *докопаться до самой сути* и пр. А ещё *копаться* — медлить, задерживаться.

В общем-то, происхождение каждой из этих метафор не вызывает особого удивления. Так, рытьё каких-либо военных укреплений, колодцев или каналов (да даже вскапывание огорода) — процесс трудоёмкий и небыстрый, поэтому и фраза *чего копаешься* быстро распространилась на самые разные сферы деятельности, не имеющие с копкой земли ничего общего.

Любопытно посмотреть, как изменились некоторые обозначения с течением времени. Например, *окон* мы теперь представляем как яму, траншею, но в старину это слово имело противоположное значение — вал, насыпь. То же самое называлось утраченным словом *закоп*.

Глагол *копаться* в значении «медлить» и производные от него имели несколько другой вид. Медлительного человека называли *копоткий*, *копотливый*. *Копотко*, *копотливо* — медленно, длительно. Бытовало в народе и выражение *прокопаться* — провести много времени за чем-либо. Например, *за чаем прокопался*.

Вышло из употребления слово *копань* — яма для дождевой воды, никто теперь не назовёт лопату *копаницей*, а все эти слова когда-то широко употреблялись, наряду с привычными нам: *копка*, *раскопки*, *подкоп*, *перекоп*, *копь* и пр.

Если ещё больше углубиться в язык, то можно обнаружить и совсем удивительные вещи. Вряд ли кто-то на бытовом уровне заподозрит, что глагол *копать* мы употребляем не в исконном значении. Однако, по мнению лингвистов, в современном русском языке есть слова, непременно указывающие на этот факт. Таковы *копё* и *копыто*.

Сложно представить, что *копём* назывался инструмент для копки, рытья земли. Более вероятно обратное: глагол *копать* имел значение «бить, колоть, тыкать». Раз уж мы заговорили о *копье*, то нельзя не сказать и о том, что сегодня, произнося это слово, мы представляем длинный шест с заостренным металлическим наконечником. Не так было в старину. Собственно *копём* именовали только наконечник, а шест назывался — *древко*. Так, в Словаре академии российской 1789—1794 годов читаем: «дротик — небольшое троегранное или четверогранное копье, насаживаемое на короткое древко». *Копё* — то, чем бьют, колют неприятеля в бою. Но ведь и *копыто* — то, чем животное бьёт, например хищника, а также копает, разрывает землю.

Корень *коп* в этом значении уходит за пределы славянских языков. В своём этимологическом словаре в статье «копё» Н. М. Шанский приводит такие примеры: лит. *Kāplis* «мотыга, топор», греч. *Kopis* «тесак, кинжал», нем. *Hippe* «серп, тесак» и т. д. Глагол *копать* обнаруживает сходство с латышским *karāt* «колоть, рубить», греческим *skapō* «рою, копаю», албанским *ker* «обтесываю камень» и т. д.

Наверное, можно копнуть и глубже, но это уже будет совсем непонятно современному человеку, говорящему по-русски.

Ещё одно слово, кардинально изменившее первоначальное значение, — *рыло*. В современном языке оно считается просторечным и даже бранным. Однако на протяжении XIX века это слово — не такая уж и редкость в литературном языке. Его употребляли Пушкин, Островский, Салтыков-Щедрин и другие писатели.

Если же порыться в древних манускриптах, то можно заметить, что когда-то *рыло* приличествовало даже высокому стилю. Это было важное, торжественное слово, и его нестыдно было применить даже по отношению к святому. Правда, значение слова было совсем иным. Например, ...*повелел мниху* (монаху) *ископати рылом сад*. В этом предложении *рыло* — «то, чем роют землю». Слово входит в целый ряд однотипных имен среднего рода с суффиксом -л-, которые образованы от глагольных корней: *ры-л-о* — то, чем роют (от глагола *рыть*), как *мы-л-о* — то, чем моют, *ши-л-о* — то, чем шьют и т. п.

Со временем появлялись различные инструменты для копки земли, и слово *рыло*, обозначавшее всё, чем роют, перешло с орудий труда на другой предмет по сходству в употреблении. Например, свинья, для которой рытье, можно сказать, является «профессиональным занятием», чем роет? Рылом.

Интересно, что в простонародной речи *рыло* долго оставалось синонимом слову *лицо* без экспрессии и негативных коннотаций. А в литературном языке *рылом* называлась морда любого животного, не только свиньи: *рыло лошади, собаки, кошки, овцы...*

В басне И. А. Крылова Волк кричит Ягненку:

*Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье моё
С песком и с илом?*

И надо полагать, что баснописец не имел намерения сделать речь Волка нарочито грубой, хотя современный читатель её именно так и воспринимает. Однако многочисленные примеры из литературы XVIII века свидетельствуют о нейтральной стилистической окраске слова *рыло*, когда речь шла о животных.

Доктор филологических наук В. В. Колесов в книге «История русского языка в рассказах» подробно показывает, как менялось употребление этого слова в русском языке. По его мнению, *рыло* стало грубым потому, что в эпоху М. В. Ломоносова было отнесено к низкому стилю. В среднем ему соответствовало — *лицо*, в высоком — *лик*. Именно эта стилистическая окраска, по мнению ученого, не позволила слову *рыло* закрепиться в литературном языке, хотя в XVII — XVIII веках для этого были все шансы.

Ров на ровном месте

Размышления о происхождении слов однажды привели меня к находке: *рыть* и *рвать* произошли от одного корня. Вначале это кажется невероятным, но при углублении в существо вопроса — очевидным. Многие формы этих разных в настоящее время глаголов сохранили настолько много общего, что мы и теперь не можем их различить. Примеры? Пожалуйста!

Сравните формы несовершенного вида обоих глаголов с приставками, и вы увидите, что внешне они одинаковы. *Обрывать* — это и «обкапывать», и «отделять резким движением», например *обрывать лепестки цветка*. Как ответить на вопрос, *обрыв* — это «то, что обрыли» или «то, что обрывается и куда можно сорваться»? *Вырывать* соотносится и с «выкапывать» (*лопатой вырывать корни из земли*), и с «резким движением извлекать что-либо наружу» (*вырывать растения с корнем*). *Срывать* — «скапывать до основания, сравнивать с землей» (*срывать холм*), но также можно *срывать* яблоки с дерева — внешний вид глаголов одинаков.

Сегодня мы не сомневаемся, что *взрыв* — «то, что взорвали» (взрывники). Однако несколько веков назад, когда еще не изобрели взрывотехнику, некоторые слова понимались иначе. Само появление понятия «взрыв» (быстропротекающий физико-химический процесс, проходящий со значительным выделением энергии в небольшом объеме за короткий промежуток времени, сопровождающийся значительными разрушениями) оборвало смысловую привязку к процессу рытья.

В наше время носители русского языка перестали связывать понятия «взрыв» и «рытьё». Нам кажется очевидной связь с глаголом *рвать*, ведь в процессе взрыва все *рвётся, разрывается* на части. Однако исторически *взрывы* связаны именно с «рытьем, копанием земли». В словаре XVIII века *подрыв* — это «подкоп», а *прорыв* — «прокоп».

Связь *взрыва* с *рытьем* проста и удивительна одновременно. Сегодня *сапер* — это тот, кто имеет дело со взрывными устройствами, но в основе этого обрусевшего слова лежит французское *saper*¹, которое переводится как «подкоп». В XVI—XVIII веках наступающие войска рыли такие траншеи для скрытного приближения к позиции противника. Подкоп обычно делали при осаде крепости, чтобы незаметно подобраться к ее стенам, заложить взрывчатку и обрушить каменную преграду. Первоначально *сапер* — тот, кто роет траншеи, окопы и подкопы. Наше выражение *тихой сапой* исходно имело смысл «пройти незаметной траншеей», а затем — «подкрасться незамеченным». Позже выражение вошло в гражданскую речь, где стало означать «незаметно проникать куда-либо, добиваться чего-либо».

Термин *взрыв* появился благодаря переосмыслению понятия *подрыв*, первым значением которого было «подкоп». *Сапер* в буквальном переводе и есть тот, «кто подрывает», в смысле «подкапывает», и неслучайно главным его инструментом была сапёрная лопата. Первые подрывы стали применять еще до изобретения пороха и других взрывчатых веществ. Буквально делался подкоп (*подрыв*) под крепостную стену, в него закладывалось большое количество дров, устраивался пожар, стена теряла прочность и обрушалась. Такова внутренняя связь омонимов *подрывать* «взрывать» и *подрывать* «подкапывать».

Читая словарь XVIII века, удивляешься, что *взрывание* — это «вскапывание» (земли), *взрываю* — «вскапываю». А скажем, *врываться* в значении «стремительно входить куда-либо» еще не сформировалось, и слово употреблялось в значении «роя, углубляться в недра земли». То же можно сказать и о существительном *прорыв*. Сегодня это — «значительное, революционное достижение, открытие и т.п.» или «нарушение целостности чего-либо как результат давления со стороны», но, как мы только что видели, ранее это слово значило «прорытый проход».

Читаем старинный словарь дальше и видим: *срываю* — «скапываю до основания, сравниваю с землей»; *обрываю* — «окапываю вокруг чего-либо, рою»; *нарываю* — «накапываю».

Другие значения у этих глаголов не отмечены. То есть в те времена люди ещё не могли говорить о воспалительных нарывах на коже, поскольку само явление не получило соответствующего лексического обозначения.

Чтобы лучше уяснить, как *рыть* и *рвать* вышли из единого источника, обратимся к старинному написанию. Глагол *рыть* некогда имел в корне редуцированный (краткий) гласный и выглядел так — *ръти*. После падения редуцированных в одном случае мы получили звук *ы* (*рыть, рыло, прорыв*), а в другом — *о* (*ров, роешь, рою*). Были и другие случаи. Форма *рвать* — это итератив (глагол повторяющегося действия) к *ръти* (первоначально — **ръвати*).

Давайте поразмышляем, чем рыли землю до того, как появились приспособления и инструменты. Лингвисты считают, что к корню глагола *ръти* восходят слова *рыло, рот, рог*. Н. М. Шанский полагал, что слово *рог* имело первым значением «то, что торчит, возвышается». Возможно, на деле это значение второе, а первое было связано с глаголом *ръти*. Тогда *рог* — «то, чем рвут, роют». Вслушайтесь в древние производные от этого слова, и вы поймете, что прежде всего ими называли оружие: *рогжон, рогатина, рогатка, рогдица* (палица). Все они предназначены для того, чтобы пробить, прорвать доспех или другой защитный покров. Несколько веков назад даже лопата называлась — *рогалия*.

Ученые полагают, что *рот* и *рыло* также имеют непосредственно отношение к глаголу *ръти*. Древнее значение слова *рот* сравнимо с *рыло* — «то, чем роют». Раньше морду животного, так же, как и клюв птицы, называли *ртом*, при помощи которого те добывали пищу, раскапывая, разрывая землю.

Видимо, к корню *ръ-ти* восходят древнерусские слова *ролья, ролия, рольник*, связанные с процессом земледелия. *Ролия* — пашня, *рольник* — пахарь.

И тут перед нами встает вопрос, а прилагательные *ровный* и *равный* не имеют ли отношения к рассматриваемому корню? В этимологических словарях на него нет ответа. Можно предположить, что *ровный* (равнина) вначале относилось к пашне, участку земли, который ежегодно *равняли* при помощи вспахивания, *рытья, взрывания* почвы или же к участку, *срытому* природными явлениями. В старину *равный* и *ровный* не различались в своих значениях: и то, и другое — «гладкий, плоский». В памятниках письменности можно встретить такие словосочетания: *равное поле, равная дорога, равное место*. Вспомним, о чем мы говорили выше: *срыть* — «сравнять». Все коннотации, связанные со «сравнением», «равенством», «уравниванием», «ровней», — более поздние метафоры.

Часто слова, выросшие из одного корня, в своем развитии семантически отдаляются друг от друга. Так, *ровень* — «ровное место, равнина» или «ровный кряж, возвышающийся над долинами рек» и совсем противоположное *ровень* — «неглубокий колодец, копаная яма для сбора воды». Корень один, форма слов единая, период существования в языке общий, а смыслы разные. То же можно сказать о прилагательном *ровный*. В одном случае это — «выкопанный, подвальный; относящийся ко рву», а в другом — «гладкий, без впадин и возвышений; равный; одинаковый, точный (о цифровом значении) и пр.». Подчеркну, это не мои реконструкции, это выписки из словарей.

Добавим, что глаголы *рыть* и *вырывать* не нужно понимать только применительно к деятельности человека, ими также описывались и естественные процессы. *Ровецъ* — «углубление, русло, прорытое текущей водой».

Ввиду глубокой древности корней рассматриваемых глаголов в современном языке накопилось огромное количество производных слов, которые разрослись в самостоятельные лексические гнезда. Охватить вниманием их все не входит в наши намерения. Такая задача потребовала бы большой и кропотливой работы, а итоговый текст получился бы слишком расплывчатым. Мы лишь обратили внимание на то, что глаголы *рыть* и *рвать* связаны дальним родством, а также обозначили дискуссионную тему: нет ли связи между словами *ров* и *ровный* через глаголы *рыть, срывать*?

¹Во французский язык *sape* пришло из итальянского, где *zappa* — заступ, мотыга.

Опасная этимология

Историки говорят, что животноводством человек начал заниматься раньше, чем земледелием, а значит и слова, относящиеся к этому процессу, очень древние. Интересно, что многие из них за сотни лет так внутренне изменились, что мы теперь не воспринимаем их первые, корневые, значения. Другие слова, хоть и не стали иносказаниями, в плане содержания тоже преобразились до неузнаваемости. Поговорим о некоторых из них.

Начнем с использования «пастушеских» слов в христианской терминологии. Слова *паства*, *душеспасение*, *Спаситель*, *пастырь* возникли, оттолкнувшись от образа заботы о стадах домашних животных, прежде всего — овец. Из Священного Писания в наш язык вошли фразы *заблудшая овца*, *отделять овец от козлищ*, *Агнец Божий* и др.

Овца упоминается в Библии чаще других животных — примерно четыреста раз, если учитывать упоминания о стадах. Пастух или пастырь упоминается около сотни раз. Такая насыщенность объясняется двумя причинами — значением овец в кочевой и сельскохозяйственной жизни древних иудеев и особыми чертами овцы и пастуха, делающими их подходящими источниками метафор.

Условия овцеводства в древней Палестине значительно отличались от современных. Овцы не содержались в загоне и не предоставлялись самим себе. Они полностью зависели от пастуха, который защищал их и заботился о них. Нужно было следить, чтобы какая-нибудь из овец не отбилась от стада, не стала добычей хищников.

Библейские образы овец и пастухов встречаются в большом корпусе литературы, известной как пасторальная¹. В этом литературном жанре пастух идеализируется как добродетельная фигура и духовный лидер. Черты этого жанра проявляются уже в фигуре Авеля, «пастыре овец», который был образцом благочестия, а также в образе пастухов, которые первыми узнали о Рождестве.

Интересно, что в Евангелиях Иисус Христос выступает как в роли *пастыря*, так и в роли *агнца*. Когда Иоанн Креститель увидел идущего Иисуса, он сказал своим ученикам: *вот Агнец Божий*, сравнив с ягненком самого Спасителя. Здесь символика божьего посланника перекликается с жертвой, приносимой ради благой цели. Антиподом овец выступают козлы, которым свойственны упрямство и нетерпение. В притче о Страшном суде Иисус отделяет праведников от грешников, *как пастырь отделяет овец от козлов* (Мф 25:32).

В религиозной этике заботливый пастух стал символом пастыря народов и спасителя человечества. Без попечения духовного лидера и связи с Богом человек обречен на духовную смерть и становится жертвой дьявола, который, как пишет апостол Петр, *ходит, аки рыкающий лев, ища, кого поглотить*.

Сегодня, говоря *спасать*, *спасение*, *спасатель*, мы уже не замечаем, что в корнях этих слов содержатся отголоски глагола *пасти*. Не замечаем мы его и в словах *опасность*, *опасаться*, *опасный*... Самое интересное, что эти слова не только оторвались в своих значениях от глагола *пасти*, но и развернули вектор смысла на 180 градусов. Первоначально *опасать* — «пасти, заботиться, попечительствовать, беречь», а *опасный* — это «заботливый, бережливый, осторожный, предусмотрительный», «тот, кто опасает свое стадо». Сегодня наиболее близкий однокоренной синоним — *опасливый*. «Опасным» в современном языке стал не пастырь, а угроза стаду. В старину было такое понятие — *опасная грамота*. Так назывался документ, гарантирующий защиту и безопасность. *Опасно* значило «осторожно, осмотрительно». *Опасать* — «оберегать», *опасаться* — «оберегать себя, беречься».

Не многие задумываются и о том, что корень *-пас-* мы видим в словах *запасы*, *припасы*, *запасать*, *припасать*. Ранние их значения также связаны с пастушеством, опасением своего стада и получаемым с него доходом. В Словаре академии российской 1789—1794 годов у гла-

гола *пасу* еще отмечено значение «готовлю впрок, берегу». *Выпаст* — «добыть что-либо от пасения стада», например *выпас за лето сто рублей*. Сегодня эти смыслы сохраняются только в приставочных образованиях *запасать, припасать*.

В упомянутом словаре находим и другие слова, изменившие свое содержание или совсем вышедшие из употребления. Так, *паства* — «пастбище, место выгона скота», а не «стадо». *Запасный* — «служащий для хранения запаса», например *запасный амбар*. Также *запасный* могло значить «оставленный в запас», например *запасные деньги*. *Напаст* — «наготовить чего-либо».

От древнего корня *-пас-* образовались пласты лексики, достаточно разошедшиеся друг от друга в семантическом плане: *паст*, *спасать*, *запасать*, *опасность*... Сегодня они далеки настолько, что рядовой носитель русского языка даже не догадывается об их древнем родстве.

¹Согласно этимологическому словарю М. Фасмера слово *пастораль* попало в русский язык через немецкое *Pastoral (e)*, с XVII века, или непосредственно из французского *pastorale*. Происходит от латинского *pastōrālis* «пастушеский». В этом слове легко увидеть еще одно заимствованное слово — *пастор* (буквально значащее «пастух»), очень похожее на славянское *пастырь*.

Как дубрава стала местом, где растут дубы

*Не шуми ты, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.*

Народная песня

Перенесем свой мысленный взор с пасторальных равнин на лесной массив. На первый взгляд может показаться, что в слове *дубрава* нет ничего удивительного, что оно совершенно понятно и прозрачно по своему происхождению. Но это только на первый взгляд. В самом деле, а какой здесь корень? *Дуб*? Тогда морфема —*рав-* предстает перед нами в качестве суффикса? Но ведь такого суффикса больше нигде нет. А если корень не *дуб*, а *дубр*, то что он означал? Может быть, здесь два суффикса: *р-* и *ав-*?

Давайте приглядимся к слову *дубрава* внимательнее. Обычно любой однородный лес русский язык обозначает существительными, образованными с помощью суффиксов *-няк/-ник*: *березняк, ивняк, сосняк, осинник, ельник, ольшаник (ольховник), орешник, кедровник* и пр. И вдруг совершенно нетипичное слово — *дубрава (дуброва)*.

Сегодня мы не сомневаемся, что дубравой называется именно дубовая роща, но в словаре В. И. Даля *дубрава* — это лиственный лес; чистый лесок, такой как дубняк, березняк, осинник; отъёмный и чистый остров, парк. *Дубровина* — то же, что «отъёмный, березовый лесок». *Дубра (о) вный* — к дубраве относящийся. *Дубровное сено* — лесное. *Дубра (о) вистый* — богатый дубравами, лесочками. То есть уже здесь прослеживается более широкая семантика: дубрава — роща, лиственный лес. И, кстати, непосредственно для дубовой рощи в словаре Даля есть типичное обозначение — *дубняк*.

То, что *дубрава* в менталитете наших предков не имела отношения непосредственно к дубам, следует из таких примеров: *Растетъ трава горичка по дубровамъ, где соснягъ да березникъ*. Или: *Изыде огнь ис Котигана и пропали все кедри дубравския*. Здесь мы видим, что *дубрава* — даже не обязательно «лиственная роща», это слово понималось и как «смешанный лес».

Может быть, слово родственно древнему корню *дѣбрь*, из которого впоследствии сформировалось слово *дебри*? По крайней мере, суффикс *-ав-* в русском языке известен (*держава, любав, мурава, рукав*), чередование гласного в корне тоже возможно. Версия даже приводится в этимологическом словаре Г. П. Цыганенко. Кстати, значение слова *дебри* тоже не всегда было тождественно современному.

В Словаре академии российской 1789—1794 годов *дѣбрь* — узкая долина между двух гор (*Всяка дѣбрь исполнитя, и всяка гора и холм смиритя*). В словаре В. И. Даля, изданном почти на сто лет позже, можно прочесть, что так в старину называли долину, ложбину, лог, овраг, буерак... Даль называет это значение «старым», а его современники слово *дѣбрь* понимали как «лесистую, густо заросшую долину». Это уже ближе к тому, как сейчас мы понимаем слово *дебри*, употребляемое исключительно во множественном числе. Для нас *дебри* — это и есть «густой лес, через который трудно пройти», «глухой отдалённый край, труднодоступные места», а в переносном значении — «малопонятные, специфичные аспекты какой-либо сферы знаний». Изменение значений прослеживается довольно четко.

Филологи говорят, что слово *дѣбрь* дошло до нас из старославянского языка, в котором означало обрыв, ров, горный склон, поросший густым лесом. Но ведь и в этимологическом словаре Г. А. Крылова можно обнаружить нечто удивительно похожее: *Дубрава* — общеславянское образование, восходящее к славянскому *дѣбрь* — «лес». То есть *дебрь* и *дѣбрь* — в

какой-то период означали одно и то же? Вы удивлены? Но разве не более удивительно, что в болгарском языке «лес» — это *гора*?

Во времена В. И. Даля дубравы — это чистые леса, имеющие достаточную освещенность, пригодные для сбора грибов и ягод. Запись слова в некоторых книгах наводит на мысль, что с его этимологией всё может быть намного проще. В древних текстах встречается написание *добрава*, и тогда это — «добрая роща; благоприятное, чистое место»? С другой стороны, случаи эти редки, что не исключает возможности ошибки наборщика или писца, а также и народнoэтимологическое переосмысление.

Доктор филологических наук В. В. Колесов в книге «Занимательные рассказы из истории русского языка» писал, что когда-то *дуб* означало дерево вообще, от него и появилось древнейшее производное — *дубрава*. Дубрава — это всякий лес, не обязательно дубовый. По его мнению, слово *дупло* так же произошло от этого корня. «Ведь дупло может иметь любое дерево. На древность всех этих слов указывают и их старые суффиксы с изменившимися подчас формами самого корня», — писал он.

На севере, в русских говорах сохранилось старое значение слова *дуб* «лодка-однодеревка», а было и ещё одно, связанное с ритуальным «жильем»: умирая или погибая в битве, славянский воин должен быть положен в выдолбленную из цельного дерева ладью и отправиться на высоком костре в долгое плавание к богу огня Перуну. Эта ладья — тоже *дуб* (вспомните выражение *дать дуба*).

В русском языке существуют и не столь древние примеры, указывающие, что под этим словом понималось дерево вообще, а не конкретная порода. Таковы *дубина*, *дубинушка*, *дубьё* со всеми спектрами прямых и переносных значений. Таков глагол *дубасить*, связанный всё с той же *дубиной*. Думается, что и дубильные свойства присущи не только дубовой коре, но и многим другим породам деревьев. В. В. Колесов приводит и ещё один пример — полабское слово *дубрянка* — «чернильный орешек» (из таких орешков раньше готовили настоящие черные чернила).

«Шло время, люди осознавали разницу между различными породами деревьев, да и новые слова с суффиксами подталкивали к тому, чтобы связать старое слово с каким-то одним, конечно же, наиболее почитаемым деревом», — писал В. В. Колесов. Так *дуб* стал дубом в нашем современном понимании, а особая словообразовательная форма слова *дубрава* подтолкнула нас к исследованию, в результате которого мы выяснили некоторые аспекты этого долгого пути.

Трава: забытые смыслы

Много тайн и загадок таит в себе русская лексика. Вот перед нами глагол *травить* — глагол многозначный, разные значения которого плохо соотносятся друг с другом.

Кажется, что *травить* в значении «отравлять» легко связать с *травой*. Ни для кого не секрет, что в старину люди хорошо знали свойства трав: какие из них целебные, а какие ядовитые. Вполне логично, что *отравить* вначале — «дать отвара или настоя какой-либо вредоносной *травы*». Но как быть с *травлей* на охоте и вообще *травлей* зверей? Очевидно, что *травить* зверя — не *отравлять* его, ни при помощи зелья, ни каким-либо другим способом. *Травить* собак — не то же самое, что *травить* мышей. *Травить* в данном случае либо — «преследовать на охоте», либо — «разъярять, приводить в агрессивное состояние». *Стравить* — довести до схватки, боя, драки. А как быть с выражениями *травить душу*, *растравлять рану*, *травить кислотой*?

Можно предположить, что *травить* — это вообще «причинять вред, наносить урон, ущерб», тогда понятным становится выражение *вытравить кислотой*, например, *вытравить* рисунок на медной пластине. Но ведь ещё можно *травить* канат, *стравливать* воздух из какой-либо камеры. Здесь *травить* — понемногу спускать, отпускать, выпускать. При чем тут *трава*? А еще мы *травим* байки или анекдоты, то есть попусту болтаем. Очевидно, что к *траве* эти значения глагола отношения не имеют, и тем не менее этимологически они связаны.

Сейчас слово *трава* определяется как «растение с неодеревеневающим, обычно мягким и зеленым стеблем». Родственными являются: болгарское — *трева*, *трава*, словенское — *trava*, польское — *trawa*. Но во многих славянских языках слово сближается со значением глаголов «истреблять», «тратить» и значительно отдаляется от общеславянского значения.

Писатель Л. В. Успенский отмечал: горожанину слово *травить* со значением «поедать траву» не слишком привычно, а в деревне его знает каждый, как и производное от него *потрава*. Пример: *хорош был клевер, да скотина весь вытравила*. Самое старое буквальное значение слова *трава* и было «поедаемое». Если посмотреть на слово *ботаника*, можно увидеть, что древние греки расценивали *βοτάνη*¹ (растение) как пищу для *βοτάν* (скота).

Читая словарь В. И. Даля, обнаруживаем, что в старину *травить* часто то же, что *тратить*.

Пароходы эти много дров травят.

Много денег потравили в это дело, а выручки плохи.

Не триви сено, побереги его к зиме, теперь скотина обойдется и так.

Как мы уже отметили, *травить* также значит — «портить». *Моль травит одежду*. *Мясо стало травиться*. В древнерусском языке *травиться* — не «отравляться», а «перевариваться» (о пище). Это значение сохранилось в украинском языке. Но чаще *травити* — «портить, вытаптывать», например, выпуская скот на луга, совершать *потраву*.

Обобщая всё вышесказанное, можно предположить, что ранним значением слова *трава* было «то, что тратится» в том смысле, что в отличие от многолетних растений трава «умирает», исчезает каждый год, а затем возрождается, вырастает заново.

Интересным представляется у слова *трава* забытое значение «лето, год». Например, при определении возраста животного говорили: *теленка двух трав*, *мерин девяти трав* и пр. А еще говорили: *до травы* — «до весны». *А быти им (дворянам) под Смоленском до летнего до первого пути, до травы*. *Травенем* в старину называли месяц май.

Еще одно забытое значение: *тра́вы* — старинные расписные украшения на письме. *Травчатый* — на траву похожий. *Травчатый узор* — мелкие разводы, травками, листочками, усиками, цветочками и пр. Ткань камка по-другому называлась *травчатым атласом*.

¹Можно сделать и противоположный вывод: не «трава» произошла от «скота», а «скот» от «травы», т. е. буквально *βοτάν* — «поедающий траву, травоядный». Впрочем, тут уже требуется знание греческого языка, его словообразования.

Прозябающее слово

Изучение истории языка не может обходиться без чтения этимологических словарей. Однако не всегда в них можно найти удовлетворительный ответ на интересующий вопрос. Бывает, что словари, публикуя спорную этимологию без каких-либо помет, как бы «узаконивают» её. К этой проблеме мы еще вернемся неоднократно (см. в частности, главу «Запечатленная этимология»), а сейчас присмотримся к глаголу *зябнуть*.

Лингвисты утверждают, что родственным глаголу *зябнуть* является существительное... *зуб*. И не потому, что, когда кто-то зябнет, у него зуб на зуб не попадает. История гораздо запутаннее. Считается, что современное значение «мерзнуть» у рассматриваемого глагола возникло только в XVIII веке, а раньше он выражал идею «расти, прорасти». В словаре Г. А. Крылова читаем: *зябнуть* — слово, восходящее к общеславянскому *zebati*, имеющему тот же корень (с иной корневой гласной), что и слово *зуб*. Переход значения, видимо, связан с тем, что растения дают почки (зубки), а иначе «зябнут» еще в холодное время. Таким образом, начальное *зябнуть* — «давать зубки» переосмыслилось в «мерзнуть».

Лично мне такой семантический переход представляется маловероятным. Растения с весенним солнышком дали почки, которые начали прорасти, т.е. «зябнуть», и почему-то это слово стало значить ровно противоположное: отогревающиеся на солнце деревца, оживающие после долгой зимней спячки, в сознании наших предков XVIII века стали «замерзающими». Как говорил Станиславский, не верю!

Г. П. Цыганенко в своем этимологическом словаре раскрывает смысловые переходы следующим образом. Значение «мерзнуть» (вместо «произрастать») развилось, вероятно, так: «произрастать, давать ростки» — «прорасти в холодную погоду» — «повреждаться морозом» — «мерзнуть» — «чувствовать недостаток тепла».

О том, что слово изменило свое значение только в первой трети XVIII века, сказано в словаре А. В. Семенова. Правда, непонятно, на чём основывается это утверждение, поскольку в словаре М. Фасмера мы видим, что *зябнуть* означает «мерзнуть» во всех славянских языках. По-моему, если во всех славянских языках однокоренные слова выражают один и тот же смысл, то он сложился в праславянскую эпоху, а никак не в XVIII веке.

Пояснение можно найти в этимологическом словаре П. Я. Черных. Оказывается, до первой трети XVIII века *зябнуть* в значении «страдать от холода» не встречается в письменных источниках. Зато в древнерусскую эпоху известны глагол *зѣбнѣти* — «произрастать», существительное *зѣбль* — «росток, зародыш». Черных делает предположение, что новое значение возникло из представления о ростке, зародыше, нуждающемся в бережном отношении, заботе (согревании). Далее он приводит свидетельство, что уже в XVI веке *озябу* значило «замерзнуть, обмерзнуть». У Р. Джемса в грамоте 1619 г. *ozebla* переводится как *could* (холодно). Так что появление у слова современного значения только в XVIII веке это заблуждение.

В этимологическом словаре современного русского языка под редакцией А. К. Шапошникова читаем, что *зябнуть* в значении «произрастать (о семени, о зерне)» возводят к праславянскому **zēbnōti* (с перегласовкой **zōbъ*, **zōbati*), происходящему от индоевропейской основы со значением «кусать, раскусывать, пронзать зубом, клювом», «прорываться».

М. Э. Рут в Этимологическом словаре для школьников поясняет, что, поскольку *зуб* — «что-то колющее, режущее», а *зябнуть* — «мерзнуть», то связь значений видится таким образом: *зябнуть* — «испытывать боль, как будто тебя колют или режут». Холод действительно часто создает ощущение покалывания или даже рези в озябших руках, ногах, пишет М. Э. Рут. Отсюда *зѣбь* — «поле, которое вспахали осенью и оставили зимовать», т.е. *зябнуть* зимой, *зѣблик* — птица, живущая в России с ранней весны до начала зимы, и, следовательно, *зябнущая*.

На мой взгляд, автор словаря не совсем последовательна. Не логичнее ли предположить, что если *зябать* — «раздирать», то вспахать осенью и значило «разодрать, разрыхлить» почву, чтобы весной она была более пригодной к севу? Или же *зябь* просто — поле, подготовленное для сева, «произрастания»?

А *прозябать*? Какая здесь связь с «произрастанием»? Сегодня *прозябать* — это «вести малосодержательную, унылую, безрадостную жизнь, бесцельное, пустое существование». Возможно, это слово стали употреблять, когда говорили о ком-то, кто живет подобно растению, на одном месте, не путешествуя, не проявляя какой-либо активности.

Церковнославянское *прозябать* отмечено в словаре В. И. Даля. *Прозябать, прозябнуть* — «произрастать, расти, вырастать». *Яко вертоград семена своя прозябает, тако возрастит Господь правду (Псалтирь)*. В. И. Даль поясняет, что *прозябает* то, что растет на корне, *прозябаемое* — «растительное», все, что растет на чем-либо, укореняясь, от плесени до дуба и кедра. То есть *прозябаемые* — это растения вообще. Было даже понятие *царство прозябаемых*.

На мой взгляд, церковнославянское *прозябать* и русское *зябнуть* — омонимы, семасиологические взаимоотношения между которыми еще ждут своего настоящего исследования, а все предложенные объяснения развития значения «зябнуть» не убедительны.

Цветы и цвета

*С целым миром спорить я готов
Я готов поклясться головою,
В том, что есть глаза у всех цветов,
И они глядят на нас с тобою...*

Расул Гамзатов (перевод Наума Гребнева)

Так же, как и любой другой, русский язык развивался от конкретики к абстракции. Сначала люди вводили в обиход названия окружающих предметов и явлений природы, а затем, осмысливая их свойства, группировали по каким-либо признакам. Позже наличие образованных таким образом типов или классов с некоторыми чертами подобия позволило сформулировать абстрактные понятия. Поговорим об одной из отвлеченных категорий — о цвете.

Как нетрудно заметить, представление о цветности произошло от наблюдаемого явления *цветения* растений и, в первую очередь, тех из них, которые так и называются — *цветы*. Многообразие видов цветков, пестрота палитры летних лугов и определило в дальнейшем появление категории «цвет», которой мы сегодня пользуемся для описания любых объектов материального мира, воспринимаемых органами зрения.

Как же мы передаем свое представление о цвете? Часто нам на помощь приходят все те же цветы, например, *розовый* указывает на происхождение от цветка розы, *сиреневый* — от сирени, *васильковый* — от василька, *фиолетовый* — от фиалки. Иногда названия цвета соотносятся с различными ягодами и плодами: *малиновый*, *брусничный*, *вишневый*, *оранжевый* (*апельсиновый*), *лимонный*, *гранатовый*. *Коричневый* цвет берёт свое название от приправы корицы. Некоторые цвета получили свое название от драгоценных камней-самоцветов и других минералов: *рубиновый*, *агатный*, *бирюзовый*, *изумрудный*, *жемчужный*, *янтарный*.

Все эти прилагательные появились в языке сравнительно недавно и не требуют каких-либо пояснений. Однако есть слова, обозначающие цвет, которые не с чем соотнести, и смысл их темен. Причем, именно они и являются базовыми в нашем представлении о цвете. Именно они по преимуществу и составляют спектр: *красный*, *желтый*, *зеленый*, *синий*. Также этимологически не очевидно происхождение слов *белый* и *черный*. Мы ошибочно относим их к цветам, хотя это и неверно. *Черный* и *белый* — не цвет, а два крайних состояния его отсутствия.

В одном сборнике, написанном в Киеве в 1073 году, современник описывает радугу из четырех цветов: *В радуге свойства суть червеное, и синее, и зеленое, и багряное*. Смотря на мир глазами человека одиннадцатого столетия, мы видим *красный*, *зеленый*, *синий* и... и непонятно какой еще, потому что слова *багряный* и *червоный* мы сегодня считаем вариациями обозначения красного цвета.

Как отмечал В. В. Колесов, весь спектр состоял из трех цветов, которые выделяли из бесцветной массы наши предки: *червоный* — *зеленый* — *синий*. В первом соединены красный и оранжевый, во втором — желтый, зеленый и голубой, в третьем — синий и фиолетовый. А если словом *зеленое* обозначается и желтый, и зеленый, и голубой цвет, ясно, что в XI веке само слово имело совсем иное содержание. И теперь мы только очень условно, с большой натяжкой можем считать, что тогдашнее слово *зеленый* соответствовало по смыслу современному. Именно от тех времен сохранилось сочетание *зелено вино*.

Тот же состав спектра сохраняется еще и в русской летописи 1230 года. Позже, в начале XVI века, цвета обрели символику, их стали связывать с четырьмя стихиями: *зеленый* от воды, *синий* от воздуха, *красный* от огня, *черный* или *багряный* от земли. На Русь такое представление попало из переводной литературы. Есть мнение, что у восточных славян цвета символизир-

ровали также стороны горизонта: запад у них был связан с белым цветом (Белая Русь, откуда современная Белоруссия), север — с черным (Черная Русь, Чернигов — к северу от Киева, центра Древней Руси), юг — с красным (Червонная Русь, позднее — к юго-западу от Киева).

В другой русской летописи под тем же 1230 годом в качестве горестного предзнаменования летописец приводит такую примету: *явились на оба пол (на обе стороны от) солнца столпы — черлены и желты, зелены, голубы, сини, черны*. Здесь уже цвета более дифференцированы, но оранжевого и фиолетового еще нет.

Зато вместо *оранжевый* употреблялись когда-то слова *жаркой* или *рыжий* — со значением «красно-бурый». Это слово известно с конца XIII века, но прежде оно было связано с красной частью спектра. *Рыж* и происходит от того же корня, что и слово *руда*; у Кантемира оранжевый — *рудо-желтый*.

Наше восприятие цвета невозможно без света. В темноте нам все кажется черным, а, если свойства объекта таковы, что он отражает мало света, то и в условиях нормальной освещенности он воспринимается нами как черный. Наоборот, при отражении поверхностью предмета всего спектра световых волн, она видится нам белой. Те, кто знает, как устроен экран телевизора или монитор компьютера, понимают, о чем я. Каждый пиксел матрицы экрана состоит из трех элементов, которые при подаче на них электрического сигнала, загораются красным, зеленым или синим цветом. Максимальное включение всех трех создает белую «точку», если же сигнала нет — мы видим черный экран. Но это — лирика, в смысле, физика.

Вернемся к происхождению названий цветов и начнем с *красного*. Многие знают, что еще недавно (по языковым меркам) это слово не соотносилось с представлением о цвете, вернее о конкретном цвете. В древности *красный* значило «красивый, прекрасный». Например, *красна девица* — вовсе не та, что болеет краснухой и не представительница племени краснокожих, а та, кого мы сегодня называем красавицей. Слова *краса*, *красота*, *украшать* происходят от того же корня, что и прилагательное *красный*. От него же образовано и слово *краска*, которая вообще может быть любого цвета. *Красить* что-либо первоначально значило «украшать, делать красивым, приятным для глаз». Сегодня *приукрасить* что-нибудь можно множеством способов, но *красить* — только нанесением краски на поверхность предмета.

Так как же наши предки называли цвет, который мы сегодня обозначаем словом *красный*? По-разному. Например, *чермный* или *червонный*, а также *багряный*, *рудый*, *рдяной*... С середины XIV века до конца XVII века в русский язык пришли *алый* (это слово есть в рукописи 1351 года), *вишневый* (1392 г.), позже *брусничный*, *гвоздичный*, *маковый*, *малиновый* и многие другие.

Интересно, что именно красный цвет (как бы он тогда ни назывался) наши предки выделили и отличили от остальных раньше всего. Посмотрите на старинные иконы и книжные миниатюры: там еще нет ни чистых синего, зеленого, желтого, но уже есть активный красный. Именно он становится и символом власти, и воспринимается как «красивый», дает такие идиоматические словосочетания как *красная строка*, *красная нить*, *красный угол*, *красная девица*, *красное солнышко*... В описании путешествия Игнатия Смольнянина XV века сказано: «Певцы же стояху *украшены* чудно. Старейший (из них) бе *красен* *яко снег бел*». Для современного человека такое сравнение невозможно, но для человека, жившего пятьсот лет назад, — вполне.

Другим обозначением красного цвета было прилагательное *рудый* или *рдяный* происходящее от существительного, которым в некоторых говорах Великодержии, а также и на Украине называют кровь. Прозвище *рудой* по-украински значит «рыжий»; отсюда недалеко до таких слов, как *рдеть* и *рдяный*. *Девушка зарделась от стыда* — значит, к ее щекам прильнула кровь.

Не так просто обстояли дела с другими цветами. Почти для каждого предмета — свое собственное слово. Серо-голубой глаз называли *зекрым*, темно-серую с сединой лошадь — *сивой*, волчью шерсть — *дикий*, оперение голубя — *голубым*, остывшую золу — *серой*, темно-голубые, почти серые полевые цветочки — *модрыми*. Некоторые из этих слов так давно утра-

чены, что мы просто ничего о них не знаем. А если все приведенные слова сравнить с далекими их родственниками в других языках, окажется неожиданная вещь: *сивый* в литовском языке обозначает вовсе не «серый», а «белесый». Точное значение некоторых слов этого типа, ушедших из языка, ученые до сих пор не могут установить. Например, *бусый волк* в «Слове о полку Игореве» — серый? белый? голубой? красный? Все такие мнения высказаны, и все они сомнительны.

Затруднительно сказать, что наши далекие предки вкладывали в понятие «желтый». *Желтый* родственник и *золе* (которая сера), и *золоту* (которое золотисто), и *зелени* (которая зелена), да еще и *желчи* (которая может иметь красноватые тона) — все эти слова восходят к общему корню *-гвел-*. Так какой же цвет раньше всего можно было связать в представлении древних со словом *желтый*? В народных заговорах от сглазу еще так недавно *желтый* значил «карий»: *Спаси нас от серого, от синего, от черного, от желтого глазу, от плохого часу...*

Вероятно, с этим корнем связано и слово *злак*. Может быть, несжатые нивы злаковых культур воспринимались нашими предками сродни золоту, а может, и наоборот — золотые самородки были подобны созревшим зернам ржи, пшеницы, овса. Этимологи, однако, в первую очередь сближают *злак* и *зеленый*.

Синий для людей минувших эпох означал также совсем не то, что для нас с вами. В текстах XI — XII веков мавры и эфиопы описывались «*сини* яко сажа», а с другой стороны, седой человек был «*синеюща* власы своими». Блеснувшая в тучах молния также *синяя*, и даже полная луна в ночном небе — *синяя*. Ни с черной сажей, ни с сединой мы с вами теперь не свяжем ни одного значения слова *синий*. Лингвисты выяснили, что *синий* в старину — прежде всего «блестящий». *Синий* — не цвет, *синий* — наличие глянца на темном цвете, все равно каком: и собственно синем, который раньше назывался словом *сизый*, и фиолетовом, и черном, и даже темно-красном. Поэтому *синее море*, *сизый ворон* — это всего лишь разные вариации черного в представлении наших предков. И *си-вый*, и *си-зый*, и *си-ний* восходят к одному древнему корню. Лингвисты считают, что исконное значение этого корня сохранил глагол *си-ять*.

Современные люди в большинстве своем не задумываются о родстве слов *цвета* и *цветы*, хотя фонетически они почти тождественны, мы не замечаем близости понятий *красить* — *украшать*. Именно выявление таких простых, но неочевидных соответствий (*всего и надо что взглядеться, Боже мой*), делает изучение истории языка увлекательным и полезным занятием.

Изнурительная этимология, или Путешествие в кроличью нору

Изучение истории слова — это погружение вглубь языка, поиск и обнаружение скрытых туннелей и потайных проходов. В наши дни глагол *нырять* почти без исключений применяется по отношению к жидкой среде. Куда же еще можно нырнуть? Очевидно, только в воду. А что если я скажу, что этимологически он имеет отношение к *норе*? А ещё к тому же корню восходят прилагательные *понурый* и *изнуренный*. Каковы же смысловые связи между ними?

В русском языке XI — XVII веков *нырять* значило не только «погружаться в толщу воды», но также и «быстро исчезать из виду, прятаться, скрываться». Как утверждают составители Этимологического словаря современного русского языка под редакцией А. К. Шапошникова, глагол происходит из праславянского **ныр'ати*, глагола многократного действия, производного от **нырѣти*, **нырити* «скрываться, прятаться». В русском языке XI — XVII веков известны *нырнити* «шмыгнуть, юркнуть, быстро исчезнуть из виду» и *нурити* «опускаться в воду». Кстати, *норой* в говорах называли яму на дне водоема, омут. Не с этим ли значением связан глагол *нырять*, ведь нырнуть можно только в глубоком месте? Память о том, что *нора* и *нырять* — слова однокоренные, долго жила в народных говорах. Даже в XX веке лексикографы фиксировали формы *норкать* — нырять, *норнуть* — нырнуть.

Сегодня слово *нора* в первую очередь ассоциируется с подземным жилищем какого-нибудь зверя (*нора лисья, барсучья, крысиная* и пр.). Однако в народной речи долгое время сохранялся более широкий круг значений, восходящих к *норе* — «дыра, отверстие». Например, *норой* называлось отверстие во льду, делаемое для лова рыбы. *Норить* — ловить рыбу подо льдом с помощью невода. Для погружения сети в *нору* использовали специальный шест — *норило*. Человека, который работал таким шестом, называли *норильщиком*. Глагол *норить* использовали в разных значениях. Кроме «ловить рыбу», он также означал «делать проруби для подледного лова», «загонять рыбу в сети при помощи норила», «погружать в воду» (например, связки льна или пеньки для вымачивания).

Норой, норкой обозначали не только лунку во льду, но любую дырку. Такое название, в частности, имело круглое отверстие в носу судна для якорной цепи или каната. *Норой* называли дупло на дереве, слуховое окно, ноздрю. В старину было такое наказание — преступникам вырывали ноздри. О человеке, подвергшемся этой казни, говорили — *норкованый, норкованец*. А пышный хлеб называли *норковатым* (ср. с *ноздреватым*). Но особенно часто *норами* назывались ноздри животного. Говорили: *у собаки норка, а у человека ноздри*. От этого обозначения *норкой* стали называть всю морду животного (собаки, лошади, свиньи). Но иногда *норкой* называли также лицо и особенно нос человека: *Он ему и дай в норку-то, кровь и пошла*.

В других говорах была иная огласовка — *нура*. В книгах XVI века *нура* — «отверстие для входа». Кроме того, был и глагол *нурети*, предположительный перевод которого на современный язык — «открывать». Так, в книге XIV века имеется фрагмент: *Слова делма нуреет сердце наше* (т. е. Слово действительно открывает сердца наши).

Шест для подледного лова (*норило*) называли также и *нурило*. Один из рыбаков держал подо льдом невод, а другой поодаль нурилом мутил воду, шугая рыб в сторону ловушки. Не от этого ли шеста, которым рыбу загоняли в сеть, происходит глагол *нурить* — «принуждать, заставлять»? Например, *нурить лошадь* — «понукасть, торопить». От этого уже развилось значение «утомлять, изнурять»: кого долго *нурят*, становится *изнуренным*. А от *изнуренного* один шаг до *понурого*.

Нуром, нурой стали называть молчаливого, угрюмого человека. *Понурый* и *изнуренный* — разные характеристики, но имеют много общего. Эпитетом *понурый* мы награждаем чело-

века унылого, удрученного, а воображение рисует нам фигуру, согбенную печалью, с бессильно опущенной головой и упавшими плечами. А *изнуренный* — это характеристика человека измученного, опустошенного, например тяжелым трудом, у которого не осталось сил, чтобы распрямить спину: он сгорблен навалившейся усталостью.

В Словаре академии российской 1789—1794 годов сказано, что прилагательное *понурий* употреблялось в двух случаях. Во-первых, так говорили о лошадях, которые склоняют голову к земле, а во-вторых, — о людях, потупляющих глаза, опускающих взгляд. Того, кто имел привычку ходить, глядя себе под ноги, называли *понура*. Ещё было в употреблении существительное *понуристость*, означавшее «наклонность, навислость над землею». Про нависающие скалы могли сказать — *понуристость гор*.

Составители словаря считали, что эти слова происходят от устаревшего существительного *нуръ*, которым в незапамятные времена наши предки называли землю. Возможно, это так, но, может быть, и нет. Вспомним, что *норой* (нурой) называли нос и морду животного. Может, *понурист* — опустить голову (ср. *повесить нос, повесить голову*)? Смысловые цепочки могут быть различными. Не от этого ли «носа» пошло значение *нырнуть* — прыгнуть вниз головой (вперед носом)? Так, о лодке, корабле, опускавшемся на волнах вниз носом, говорили, что судно *ныряет* (хотя конечно, полностью в воду оно не погружалось). Вот как описывает шторм В. К. Тредиаковский:

*Тако дерзостный корабль на моръ на пространном, вихрями со встьх сторон страшно
взволнованном, ... с гор ныряет водных вниз в пропасть как подземну.*

Мы уже сказали, что ранее *нора* в некоторых случаях оглашалась через *ы*. Так, в старину говорили *ны́рища* (с ударением на первом слоге) — большая нора, а *изныряти землю* значило «изрыть ее норами». Таким образом, можно сделать вывод, что первоначально *нырнуть* — не «погрузиться в воду», а «скрыться в норе». *Нырнул* — как сквозь землю провалился.

С древних времен в русском языке существует слово *проныра*, которое в прежние времена ассоциировалось с лживостью, хитростью, коварством, лукавством, то есть с «адам, подземным миром». Позднее, оно было переосмыслено в отношении человека, способного пролезть в любую нору, щель (ср. *прощельяга*), и распространилось на любого ловкача, хитреца или жулика, незаметным образом обстрепывающего свои делишки.

Погружение в забытые смыслы иногда похоже на путешествие в кроличью нору из сказки Льюиса Кэрролла: чем глубже влезаешь, тем становится чудесней и чудесней. Порой открываются такие подземные ходы между отдельными словами, что и представить трудно. Таковы, на мой взгляд: *нора* (*ныра, нур*), *нырять, пронырнуть, проныра, норить, норило (нурило), нурист, изнырять, изнуренный, понурий*.

Потаённые смыслы

В русском языке есть два глагола, обозначающие сходные физические процессы, — *плавиться* и *таять*. Оба они, по сути, выражают идею перехода вещества из твёрдого состояния в жидкое, но применяются в отношении разных материй. Так, например, *металлы плавятся*, но *снег тает*. Скажем, в английском языке эти явления в вербальном отношении не различаются — и плавление металлов, и таяние снега там обозначаются глаголом *melt*. Почему же в русском *плавиться* и *таять* не являются полными синонимами?

Если мы приглядимся к нашим глаголам, то заметим, что *плавить* очень похоже на *плавать*. И действительно, *плавить* буквально означает «заставлять что-либо плыть», что вполне согласуется с действием, обозначаемым этим глаголом: «из твёрдого состояния переводить вещество в жидкое, способное плыть или течь». Например, *свечи оплыли*, *свинец поплыл*. Вспомните, как раньше лес сплавляли по рекам или люди сплавлялись на лодках и плотках. В этой форме глаголы, ставшие омонимами, совпадают до сих пор: *сплавлять* — «отправлять вниз по течению» и *сплавлять* — «соединять методом плавки». И это совпадение не единственное.

Глагол *плыть* происходит от индоевропейского корня, родственные слова встречаются во многих языках. Например, английское *float*. Сравните его с нашим *плот* — они похожи неслучайно. *Плыть*, *плавить*, *сплавлять*, *плавать*... Лингвисты давно выяснили родство этих слов.

Присмотримся к глаголу *таять*, не правда ли, он похож на *таить* — «делать тайным, невидимым». Когда весной снег тает, он буквально исчезает на глазах, не остаётся даже воды, которая уходит в почву. Может быть, поэтому глагол *таять* применяется не только по отношению к снегу, но и вещам более неуловимым: *облако растаяло*, *сон растаял*, *видение растаяло*, *призрак растаял*, *деньги растаяли*? Не значило ли это, что начальный смысл глагола *таять* буквально — «исчезать, растворяться»? *Таять* и *таить* также совпадают в некоторых формах, например, глаголу первого лица *таю* разные смыслы придает позиция ударения. А в древнерусском языке *таяти* — и «таять», и «таить, скрывать». Внешняя форма совпадает полностью.

Казалось бы, родство *таять* и *таить* весьма вероятно, однако этимологические словари ничего об этом не говорят. В этимологическом словаре А. В. Семёнова отмечено, что первоначально *tajati* — «чахнуть»: древнерусское и старославянское *таяти* — «истекать, чахнуть» известно с XI века. Одновременно с этим была форма *растаяти* — «обессилеть», «опечалиться». Только с XV века слово употребляется в значении «растаять».

Неужели связь *таять* и *таить* — лишь результат случайного совпадения? Кажется, сам язык говорит о том, что *растаять* — «исчезнуть, стать невидимым, тайным». Может быть, просто не сохранились письменные свидетельства, что *таять* и в более древние времена значило не только «чахнуть», но и «исчезать»? Говорят, что всё тайное однажды станет явным. Будем на это надеяться.

О чём могут рассказать волосы

Многие ли из современных людей замечают родство слов *чёлка* и *чело*? А ведь их этимологическая связь несомненна, как несомненна и физическая близость называемых объектов: *чёлка* — волосы, ниспадающие на *чело* (*чёло* — говорили в некоторых регионах).

Понимаем ли мы сегодня, что *прядь* — это прежде всего пучок для *прядения* нити? То есть первоначально о волосах на голове не могли сказать *пряди*, поскольку человеческие волосы не пряли. Словосочетание *прядь волос* появилось из сравнения с *прядью* материала (шерсти, льна), которую брали для прядения нити.

Слово *вихор* неслучайно очень похоже на *вихрь*. Сегодня мы понимаем *вихор* как область волосяного покрова на голове, где направление роста волос не совпадает с основной массой. *Вихры торчат* — так обычно говорят теперь. А раньше? А раньше вихры были связаны с глаголами *вить*, *вихлять*. В. И. Даль определял *вихор* так: *места, где волоса или шерсть от природы образуют пучинку, круговорот. Вихор — завитой, зачёсанный кверху клоч волос на лбу*.

Или вот, например, *виски*. Сегодня *виски* — это области черепа, области головы. Однако корень *вис-* недвусмысленно указывает на глагол *висеть*. Таким образом, исходно *виски* — *висящие* волосы. Если основную массу волос можно было спрятать под головной убор (убрать), заплести в косу, то волосы, растущие поблизости лба, часто выбивались из причёски и висели. Они-то и стали называться *висками* в первую очередь, а затем это слово распространилось на ту область головы, на которой *виски* растут. Такое явление в языке называется метонимическим переносом (по смежности).

Изменение значений обнаруживает и слово *борода*. Вы спросите, что с ним не так? А вот что. Задумайтесь над происхождением слова *подбородок* — оно явно образовалось от *бороды*. То есть в словообразовательном процессе *подбородок* вторичен по отношению к *бороде*. Следуя этой логике, сначала возникло слово, обозначающее «волосяной покров нижней части лица», и только затем слово, называющее саму эту часть? Это странно, поскольку далеко не у всех людей есть борода, а подбородок имеется у каждого. Как в этом случае называлась нижняя часть лица у женщин, детей?

В том-то и дело, что в старину «борода» было синкретичным понятием. Так называли и низ лица, и волосяной покров, растущий на нём. *Волосомъ онъ русъ, очи серы, на бороде три бородавки* (Новгородская кабальная книга, 1595 г.). В самом раннем толковом словаре русского языка читаем: *Борода — средняя часть нижней челюсти, от которой начинается подбородок*. В чешском, хорватском, словенском, словацком сербском и некоторых других славянских языках и до сих пор *brada* имеет значение «подбородок». Когда язык созрел для разделения понятий, появилось новое слово — *подбородок*, а *борода* — сузило область своих значений.

О происхождении самого слова *волос*, а также о богах Волосе, Велесе, святом Власии мы рассуждать не будем, поскольку тема эта необъятная и скользкая за неимением достоверных источников; поэтому при обращении к ней невозможно избежать тенденциозности.

Что называли маяком до появления маяков

Давайте присмотримся к слову *маяк*. Сегодня основное его значение — высокое сооружение башенного типа, оборудованное сильным источником света, предназначенное для навигационного ориентирования судов в ночное время. Но с развитием техники появилось и множество других маяков. Например, так называются устройства, оснащенные звуковой, световой или радиотехнической сигнализацией для навигационного ориентирования судов, самолётов и т.п., для предупреждения об опасности, для определения местонахождения и т. д. В переносном значении в советское время маяком называли человека, который является примером для коллектива, но теперь, кажется, это значение устарело. Забегая вперед, скажем, что слово *маяк* существует в русском языке уже сотни лет, когда в нашей стране еще и не помышляли о строительстве башенных сооружений, подающих сигналы кораблям.

Считается, что маяки стали строить с незапамятных времён, фактически с тех пор, как первые мореплаватели вышли в море. Каждый народ наверняка имел для подобных сооружений своё лексическое обозначение, нас же в данном случае интересует не история судоходства и навигации, а когда и с каким значением в русском языке возникло слово *маяк*.

В словаре русского языка 1803 года издания (Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины) находим интересный текст:

Баки и беки называются возвышенные светлые знаки, столпы, башни и другие здания, по берегам морским поставляемые, на которых во время тёмных ночей непрерывно горит огонь для плывущих кораблей, дабы не сбились с пути и не подверглись несчастью. Для содержания оных собираются пошлины с приходящих и отходящих кораблей. В древние времена их именовали фарусами по имени находящегося близ Александрии острова Фарос, на котором таковые баки были из знаменитейших.

Из этого определения можно сделать несколько выводов. Во-первых, античные маяки назывались *фаросами*, и это название отобразилось во многих европейских языках. Кроме греческого и латыни, соответствующее обозначение маяка можно найти в болгарском (*фар*), датском (*fyret*), испанском, итальянском (*faro*), португальском (*farol, faro*), румынском (*Farul*), французском (*phare*). Очевидно, что из этого источника образовалось и русское слово *фара*.

Во-вторых, в начале XIX века маяки (в рассматриваемом значении) назывались иностранным словом *баки*. Подобное находим в латышском языке — *baka*, немецком — *Bake*. Нетрудно заметить родство со словом *бакен*. Бакены — это ведь тоже маяки, только не береговые, а плавающие. По-нидерландски «маяк» — *beacon*, то же находим в норвежском (рядом с *fyr*, восходящим к *pharos*).

В-третьих, по всей видимости, русское слово *маяк* имело в те времена другое значение и не соотносилось с навигационными башенными сооружениями. Их сближение произошло позже, как, скажем, в словацком языке, где вместе с *beacon* существует синоним *majak*. Аналогичные русскому *маяк* имеются слова в белорусском и украинском, а также в ряде языков бывших республик Советского Союза. Родственные слова есть также в финском (*majakka*) и в чешском (*majak*).

У некоторых славянских народов маяк обозначается как *светильник*. Например, в сербском — *светионик*, в словенском — *svetilnik*, в хорватском — *svjetonik*. Кстати, в английском, кроме всем известного *lighthouse*, есть и *beacon*.

Что имеем в итоге? В XVIII веке в России сигнальные морские береговые сооружения называли *баками*, а что же называлось *маяком*?

В Словаре академии российской слово *маяк* (башня на морских берегах) присутствует, и стоит оно при глаголе *маять* (мучать, томить, изнурять). Глагол *маячу* растолкован как «с трудом, кое-как живу, перебиваюсь. Дан пример: *не знаю, как до жалованья промаячить*. Сегодня такое словоупотребление кажется странным, потому что современное *промаячить* происходит от существительного *маяк* с другим значением. Фактически, эту фразу можно переделать на современный лад таким образом: *Не знаю, как до жалованья промаяться*.

Вот и получается, что существительное *маяк* образовалось от того же корня, что и глагол *маять*. В этимологическом словаре под редакцией А. К. Шапошникова сказано, что в русском языке XVII века известен *маякъ* «знак, вежа» (1653). Маяком также назывался казачий сторожевой пост с приспособлением для подачи сигналов тревоги огнем (XVII, XVIII вв.). Впервые в словаре 1771 года *маяк* определен как «костер или шест, обвитый соломой, зажигающийся в степи на сторожевой линии при набегах кочевников».

Ночевать пришли к Терку на Калиново, повыше казачьего городка, не доехав Ибакова моряку.

Или вот цитата из расходной книги того периода: *Того же числа отдано в руской полкъ на маяки сто бочекъ смолных порозжих.*

Смысловые параллели между «костром, зажигаемым в степи для подачи сигнала», и «башенным навигационным сооружением» провести нетрудно, труднее понять лексическую связь *маяка* с глаголом *маять*. В том же словаре Шапошникова сказано, что *маяк* — собственно русское производное с суффиксом *-к* (ѣ) от основы глагола *маяти*, восходящего к праславянскому **майати* «мелькать, делать знаки рукой»; **майати* (*се*) восходит вместе с **махати* и **манити* к и.-е. корню **mā-* «подавать знак рукой, маячить, мелькать». Значение «мучиться» глагол получил на русской почве.

Таким образом, первоначально *маять* — «махать рукой», затем значения расширились: появились смыслы «подавать знаки» и «совершать однообразные движения». Второе направление дало нам слово *маятник*, которым вначале называли многие подвижные детали в механизмах. В словарях можно найти слова *маянница* — «ручное кадило» и *маяльничъ* — «подвеска».

Значение «подавать знаки» перестало быть связанным только с подачей сигналов руками, поэтому *маяк* позже — это и «сигнальный костер», и вообще «ориентир».

Как мы уже сказали, сигнальные сооружения для кораблей строились с древнейших времён. Самым известным маяком в истории является одно из чудес света — Александрийский маяк, построенный в III веке до н. э. на острове Фарос. Греки и финикийцы огнями костров размечали опасные проходы между скал и рифов. По мере усложнения конструкции маяков в качестве источника света использовались каменный уголь, рапсовое масло, керосин.

В России строительство маяков началось в период развития судоходства при Петре I. Сначала эти конструкции обозначались иностранным термином, но впоследствии возобладали номинация старым русским словом *маяк*, расширившим свои значения. В 1807 году по указу Александра I все маяки в стране были переведены из частного владения в подчинение морского ведомства. Делалось это для обеспечения надлежащего надзора за состоянием маяков и, следовательно, обеспечения безопасности мореплавания.

Важным этапом развития оптического оснащения маяков стало изобретение в 1820 году линз Френеля, позволивших значительно увеличить интенсивность световых пучков. Благодаря такой оптике даже относительно слабый источник света (например, масляная горелка) стал виден с гораздо большего расстояния.

Со временем слово *маяк* расширило область своих значений. Как мы сказали в начале очерка, теперь маяком также называют устройство, которое передаёт звуковые, световые или радиосигналы для определения координат или направления движения какого-либо объекта. Например, аварийные маяки пропавшего вертолѐта или светозвуковые маяки для маломобильных групп населения. В строительстве маяк — это направляющая, которую устанавливают на стены, потолки или пол, чтобы облегчить выравнивание поверхности строительными смесями (при оштукатуривании, укладке стяжки пола). В любом случае *маяк* задает направление, его можно определить как «ориентир».

Маньяки на Руси

В наши просвещенные времена слово *маньяк* перестало быть термином, его охотно употребляют в бытовой речи с самыми разными оттенками значений. Однако изначально *маньяк* — человек, страдающий какой-либо *манией*. Маний существует великое множество. Из тех, что наиболее на слуху, можно вспомнить графоманию, меломанию, библиоманию, kleптоманию, эротоманию, манию величия и пр.

Чаще всего маньяком (благодаря масс-медиа) называют серийного убийцу или насильника, а иногда — любого психа, безумца и даже просто странного человека, чье поведение не соответствует нашим ожиданиям. Как уверяют нас словари, слово это имеет греческие корни, но в русский язык пришло из французского. Например, Современная энциклопедия дает такое определение: *маньяк* (французское *maniaque*, от греческого *mania* — безумие, восторженность, страсть) — человек, одержимый какой-либо манией. В переносном смысле — человек, испытывающий сильное пристрастие к чему-либо.

Очевидно, что слово это попало в русский язык не ранее XIX века, и тем удивительнее встретить *маньяков* в памятниках древнерусской письменности. Так, князь Андрей Курбский писал царю Ивану Грозному:

О царю, к чему ты привели человекоугодницы? И чем ты сотворили любимые маньяки твои? (на полях: ласкатели, або похлебники)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.